

Чэн Цзайе заметил, что чем ближе они подъезжают к адресу, указанному на конверте, тем сильнее тревожится Цзян Шоуянь.

Он заехал на той самой белой машине с номерами «Хэй Р» на подземную парковку жилого комплекса. Холодный свет ламп накаливания делал бетонный гараж ещё более пустынным. Цзян Шоуянь, неотрывно смотревший на сгусток непроглядной тени вдалеке, услышал тихий щелчок. Чэн Цзайе отстегнул ремень безопасности и в зеркале заднего вида встретился взглядом с Цзян Шоуянем, сидевшим сзади.

Примечание переводчика. Хэй Р — автомобильный номер округа провинции Хэйлунцзян.

В последние дни снова похолодало, и Цзян Шоуяню казалось, будто вместе с теплом из него ушла и сама жизнь. Свернувшись в углу и закутавшись в пёстрое одеяло, он долго хранил молчание. Положив подбородок на колени, он тихо спросил:

— Можно мы не пойдём наверх?

Чэн Цзайе посмотрел на него какое-то время, кивнул и ответил:

— Можно.

Цзян Шоуянь молча смотрел на него, а затем, опустив глаза, потянул на себя одеяло. Тогда Чэн Цзайе вышел из машины и открыл для него дверцу. Цзян Шоуянь, укутавшись плотнее, опустил взгляд на ватное одеяло на своих плечах и произнёс:

— Что-то не хочется его снимать.

— Тогда иди в нём, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь немного посмотрел на своё отражение в стекле машины, нахмурился и сказал:

— Как-то странно. Выглядит очень нелепо.

Чэн Цзайе надел ему на голову бейсболку, низко натянув козырёк:

— Теперь ничего не видно, так что не нелепо.

Цзян Шоуяню это казалось удивительным: как бы он ни выглядел и какими бы странными ни были его мысли, Чэн Цзайе всегда его поддерживал. Он зацепил пальцем палец Чэн Цзайе, и тот остановился, хотя уже собирался идти к багажнику за вещами.

— Что такое? — Он обернулся, перехватил руку Цзян Шоуяня и принялся мягко поглаживать большим пальцем его суставы с такой силой, чтобы Цзян Шоуянь это чувствовал.

Цзян Шоуянь несколько отстранённо уставился на силуэты их двоих в заднем стекле. Это пёстрое одеяло выглядело уж слишком комично. И хотя его собственное лицо было скрыто, лицо Чэн Цзайе — нет.

— Теперь ты выглядишь немного нелепо, — спокойно констатировал Цзян Шоуянь.

— А я не боюсь выглядеть нелепо, — ответил Чэн Цзайе. — Как говорится, кто иностранец, тому и дурака валять.

Чэн Цзайе потянул руку Цзян Шоуяня, прикладывая её к своей челюсти:

— С моим лицом это очень даже сочетается.

Цзян Шоуянь слегка приподнял уголки губ. Ему самому казалось, что он улыбается, но в глазах Чэн Цзайе это выглядело иначе. Возможно, чувство радости передавалось с опозданием, поэтому его мимика казалась рассинхронизированной: губы улыбались, а глаза словно плакали. Чэн Цзайе обхватил его затылок, пальцами слегка потянул застёжку бейсболки вниз, отчего козырёк пополз вверх. Цзян Шоуянь тихо смотрел на него. Взяв Цзян Шоуяня за подбородок, Чэн Цзайе склонил голову, упёрся в козырёк и поцеловал его в щёку.

— Пойдём, — сказал Чэн Цзайе, мазнув большим пальцем по его уху. — Достанем вещи из багажника.

Цзян Шоуянь вслед за Чэн Цзайе вошёл в лифт. Одной рукой он держал свой чемодан, другой сжимал накинутое одеяло. Он забился в самый дальний угол кабины, а Чэн Цзайе встал рядом с ним. В это время людей почти не было. Цифры на табло беззвучно сменялись с -1 до 18. Выйдя из лифта, Цзян Шоуянь увидел ту самую красно-коричневую дверь, и его ноги словно налились свинцом — каждый шаг давался с огромным трудом.

Чэн Цзайе знал лишь название жилого комплекса, но не знал ни номера дома, ни этажа, ни квартиры. Вплоть до самой остановки перед этой дверью каждый шаг Цзян Шоуянь сделал самостоятельно.

Лампочка с акустическим датчиком на лестничной клетке снова погасла из-за долгой тишины. Сжимая в руке ключи и глядя на дверь перед собой, Цзян Шоуянь вдруг почувствовал острое желание сбежать. Темнота словно пригвоздила его к месту. Он как будто провалился в водоворот, а голова наполнилась хаотичным роем мыслей.

С одной стороны, Цзян Шоуянь думал о том, что, раз уж они пришли сюда, надо открывать, а с другой — не мог унять дрожь в руках. Внезапно его дрожащее запястье перехватили. Опустив голову, Цзян Шоуянь растерянно произнёс:

— Мне что-то не хочется туда заходить.

— Ничего страшного, — ответил Чэн Цзайе. — Я пойду с тобой.

Наверное, перед каждым человеком когда-нибудь возникала такая дверь. Стоя перед ней, ты тревожно топчешься на месте, без конца представляя, что ждёт внутри. Эта дверь — порог, который необходимо переступить. А за ней может быть лишь два исхода: либо всё окажется лучше, чем ты думал, либо гораздо хуже. Для Цзян Шоуяня сработал второй вариант.

Почти в то же мгновение, как дверь за ними закрылась, на него накатила волна безмерного ужаса. В квартире слишком долго никто не жил, и в воздухе, казалось, висела туманная пелена пыли. Цзян Шоуянь застыл на месте как вкопанный, и Чэн Цзайе пришлось самому доставать его тапочки из обувного шкафчика в прихожей. Он наклонился, чтобы поставить тапочки к ногам Цзян Шоуяня, но, подняв голову, изменился в лице.

Цзян Шоуянь смотрел на него из-под опущенных бровей. Его глаза были такими мрачными, словно в них не проникало ни лучика света, и от этого тяжёлого взгляда грудь сдавливало удушьем.

— Кажется, мне нехорошо, — сказал он.

Чэн Цзайе снял с него кепку, мягко взъерошил примятые волосы и спросил:

— Где именно нехорошо?

Цзян Шоуянь покачал головой:

— Не знаю.

Его начала бить крупная дрожь. Все смутные воспоминания, связанные с этой квартирой, в одно мгновение хлынули наружу. Он почувствовал головокружение и звон в ушах, а затем — тёплые объятия Чэн Цзайе.

— Всё, всё, ничего страшного, всё хорошо, — похлопывая его по спине, ласково приговаривал Чэн Цзайе. — Сделай глубокий вдох, дыши, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь его не слышал. В ушах стоял гул — этот шум заставлял его сходить с ума от раздражения. Мёртвой хваткой вцепившись в одежду Чэн Цзайе, он чувствовал, будто под кожей ползают муравьи — плотной колонией, проникая повсюду. Но он не мог ни почесаться,

ни раздавить их. Он был на грани безумия.

Эмоции, не находя выхода, теснили друг друга. Он начал впадать в неистовство: хотелось бить посуду, рвать на себе волосы, получить хоть каплю облегчения, ощутив острую, режущую боль.

В полубреду Цзян Шоуянь вдруг уловил запах тела. Его заторможенный мозг с запозданием послал телу сигнал: он ведь очень долго находился в машине. Усталость от обратной дороги и тряска усилили головокружение, к горлу подкатила сильная тошнота. Он резко оттолкнул Чэн Цзайе и бросился в ванную.

Чэн Цзайе кинулся следом, но дверь перед ним захлопнулась и щёлкнул замок. Он поднял было руку, чтобы постучать, но в ту же секунду опустил её. Он всё это время думал, что отторжение Цзян Шоуяня, нарастающее по мере приближения к дому, связано с тем, что тот просто не готов полностью перед ним раскрыться. В конце концов, дом и улица — совершенно разные места. Дом — место, где человек расслабляется, там невозможно постоянно быть в напряжении.

Но теперь оказалось, что дело вовсе не в этом. Состояние Цзян Шоуяня больше походило на острый стресс. Но что послужило триггером?

Чэн Цзайе прошёл в гостиную, нажал кнопку на чайнике, чтобы вскипятить воду, затем поднял брошенное Цзян Шоуянем на пол одеяло и положил его на диван, где уже лежали небольшая подушка и скомканный тонкий плед. У Чэн Цзайе появилось необъяснимое чувство, что Цзян Шоуянь очень долго спал именно здесь. Почему он не хотел спать на кровати? Чэн Цзайе сильно нахмурился. Хотя он и понимал, что входить в комнаты без разрешения хозяина крайне невежливо, сейчас ему было не до приличий.

Чжоу Цзянь как-то спрашивал его, в чём заключается травма Цзян Шоуяня. Тогда Чэн Цзайе в полной растерянности ответил, что не знает. Но сейчас, пройдя из одной комнаты в другую, в самой последней он увидел это.

Чэн Цзайе, плотно сжав губы, стоял в изножье кровати. На стене прямо перед ним висел траурный портрет: в рамке была фотография пожилой женщины. Она смотрела прямо на кровать, и на её лице застыла очень добрая, приветливая улыбка.

Цзян Шоуянь вырвало лишь желудочным соком — от самого желудка до горла всё горело огнём. Опустившись на колени и опираясь на тумбу раковины, он немного перевёл дух. Повернув голову, заметил за матовым стеклом двери смутный силуэт.

Цзян Шоуянь с трудом поднялся, прополоскал рот и умылся. Его лицо в зеркале было мертвенно-бледным, а краснота вокруг глаз так и не спала. Вытерев лицо полотенцем, он повернулся и щёлкнул задвижкой замка, но не открыл дверь. Вместо этого он снова привалился к раковине. Постояв так немного и почувствовав накатившую усталость, он медленно сполз по дверцам нижнего шкафчика и осел на пол. Именно в этот момент Чэн Цзайе толкнул дверь. Ванная комната была совсем крошечной, и Цзян Шоуянь остановил Чэн Цзайе, который уже собирался войти.

— Пока не заходи.

Чэн Цзайе замер и опустился на корточки прямо в дверном проёме. Цзян Шоуянь заметил слегка покрасневшие глаза Чэн Цзайе. Спустя мгновение он обвёл помещение взглядом и неожиданно спросил:

— Как по-твоему, эта ванная большая?

Чэн Цзайе не понимал, к чему этот вопрос, но внимательно осмотрелся. На вид было квадратов пять, не больше.

— Небольшая, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь усмехнулся:

— Вот поэтому я и разжёл здесь древесный уголь.

Примечание переводчика. Сжигание угля в закрытом помещении — распространённый в Азии способ самоубийства путём отравления угарным газом.

Зрачки Чэн Цзайе резко сузились. Цзян Шоуянь, казалось, совершенно не замечал боли во взгляде Чэн Цзайе и продолжал говорить как ни в чём не бывало:

— Ци Чжоу, наверное, тебе об этом не рассказывал. Он не из болтливых. Это случилось за несколько месяцев до моего отъезда в Лиссабон. Поначалу дым сильно ел глаза... Медленно задыхаться на самом деле довольно мучительно. Поэтому я ещё и напился...

Чэн Цзайе внезапно бросился к нему, крепко сжал в объятиях и прошептал:

— Хватит, хватит... Не надо, не говори больше.

Цзян Шоуянь медленно моргнул, глядя на ореол света от лампы над головой. Ему казалось,



будто он сжимает в руке обоюдоострый кинжал без рукояти: лезвие вонзалось в него самого, но в то же время резало и Чэн Цзайе, который пытался его обнять. Но сейчас он не испытывал угрызений совести. Ему было больно, и он хотел, чтобы Чэн Цзайе разделил эту боль с ним.

— Ах да, — механическим голосом произнёс Цзян Шоуянь. — Я ведь так и не сказал тебе, почему решил разжечь тот уголь. Это потому, что моя бабушка бросилась в реку. У неё была старческая деменция, и она... она просто отказалась от меня.

Человек — существо эмоциональное. Как бы безжизненно ни звучал его голос, слёзы всё равно неудержимо катились из глаз, а в словах постепенно проступали рыдания.

— Я своими глазами видел, как её тело вытаскивали из воды. И это был не первый раз, когда я видел мертвеца, — Цзян Шоуянь сделал паузу, сглатывая подступивший к горлу ком. — Впервые это случилось, когда мне было девять. Моя мать повесилась прямо у меня на глазах.

— Так вот почему ты повсюду носил с собой то кольцо и повесил на стену бабушкин траурный портрет... Чтобы даже во сне не находить покоя?

Цзян Шоуянь на мгновение оцепенел и потерянно пробормотал:

— Так ты увидел...

Каждый вдох отдавался в груди Чэн Цзайе жгучей болью. Он глубоко вздохнул, и его голос в одно мгновение стал хриплым:

— Цзян Шоуянь... Зачем ты так истязашь себя?

<http://bllate.org/book/14908/1644665>